

Сегодня — 80 лет со дня рождения Николая Островского

ЖИЗНЬ, СТАВШАЯ ЛЕГЕНДОЙ

«ТАКИХ ЛЮДЕЙ НАРОД НЕ ЗАБЫВАЕТ»

Это слова первого космонавта планеты Юрия Гагарина о замечательном советском писателе Николае Островском, которому исполнилось бы ныне 80 лет.

Судьба Островского типична для молодого поколения людей, принимавших участие в Великой Октябрьской социалистической революции, сражавшихся за молодое Советское государство и строивших его. И в то же время эта судьба исключительна.

Николай Островский родился на Украине в рабочей семье и уже в 12 лет начал трудовую жизнь. Совсем мальчишкой он помогает революционерам-подпольщикам, а вскоре после революции вступает в комсомол. Юношу Островского можно было увидеть на фронтах гражданской войны, потом — участвующим в ликвидации хозяйственной разрухи, комсомольским руководителем. Но тяжелое ранение, полученное на фронте, перенесенные болезни, работа на износ — все это дает себя знать: здоровье Островского вконец подорвано. У него начинается быстро прогрессирующее окостенение суставов, в результате — паралич, приковавший его к постели, а затем — полная слепота...

Перед Островским встает

трагический вопрос: стоит ли вообще жить, если жизнь столь тягостна для тебя, бесполезна для общества?.. Побеждает великая сила духа этого человека, он хочет не только жить, но и служить еще своему народу. Ему принадлежат слова: «Только смерть заставляет большевика сложить оружие». Островский решает написать книгу о своем поколении, его подвигах и испытаниях — для поколений будущих.

Превозмогая неподвижность, слепоту, постоянную мучительную боль, он ежедневно диктует роман, к которому приступил осенью 1930 года и которому судейно было стать легендарным.

Он торопится, понимая, что времени ему отпущено немного. Примерно в этот период этот смертельно больной, недвижный человек диктует поистине потрясающие строки:

«Я счастливый парень — дожить до такого времени, когда некогда дыхнуть, когда каждая минута дорога. Знать, что все прошлое вернулось — борьба, труд, радость победы, горечь поражения. Разве это не счастье?». Гражданское и писательское мужество Островского было вознаграждено самой высокой мерой — книга «Как за-

калялась сталь» принесла ее автору бессмертие.

Жизненный путь, борьба и нравственный подвиг героя романа Павла Корчагина — это, по существу, жизненный путь самого писателя. Чтобы почувствовать Островского человека во плоти и крови, обратимся к воспоминаниям его верного друга и жены Раисы Островской: «Как мы жили? Весело мы жили. Интересно. Николай много шутил, смеялся, много развязывал мне. Меня каждый день тянуло после работы домой, как тянет к счастью».

После выхода в свет романа (он печатался в 1932—1934 годах в журнале «Молодая гвардия», а затем вышел отдельным изданием) маленькая квартира писателя на московской улице Горького была буквально завалена письмами читателей — Островского благодарили, им восхищались и гордились. Заслуги писателя были отмечены высшей наградой — орденом Ленина.

Успех и признание окрыляли Островского: в 1934 году он приступает ко второй своей книге — «Рожденные бурей». Первый том этого романа он заканчивает за несколько дней до своей смерти: 22 декабря 1936 года Николая Островского не стало...

Но остался жить знаменитый роман «Как закалялась сталь». Им зачитывались и продолжают зачитываться новые поколения советских людей — и в предвоенные годы, и в суровое время Великой Отечественной войны с фашистской Германией (роман нередко находили в вещмешках солдат, погибших на фронте), и снова в дни мирного созидательного труда. Читают его не только в нашей стране.

«Как закалялась сталь» издавалась примерно 500 раз на 70 языках народов СССР и мира, в 80 странах — общим тиражом более 30 миллионов экземпляров. В Советском Союзе роман кино- и телеэкранизирован, по нему поставлены спектакли. В ряде стран — Чехословакии, Англии, Франции, Голландии, Японии, США — книга вышла еще при жизни Островского.

В нашей стране три музея писателя — в Москве, Сочи и в Шепетовке на Украине. Именем писателя и героя его романа названы улицы, библиотеки, теплоходы...

Николай Островский и сегодня учит мужеством и преданности своему народу, бескорыстием и нравственной чистоте.

(АПН).

Николай Алексеевич Островский.

ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ БОЙЦОВ

В Новороссийск Николай Островский прибыл жарким летом 1926 года. Он поселился в рабочем поселке Мефодиевка, в одноэтажном кирпичном домике на улице Шоссейной, 27, где жила семья Мацюк. Он никогда не приехал бы сюда, если бы не настоящие матери, которая хотела, чтобы он пожил в южном, теплом городе в семье ее знакомых. После операции правого колленного сустава в Харьковском медицинском институте и двухмесячного лечения в санатории «Мойнаки» он чувствовал себя не лучше, чем полгода назад. Н. Островский терпел подвижность левой руки и плеча. Чуть позже, 18 декабря 1926 года, он писал А. Давыдовой: «Итак, я терплю подвижность всех суставов, которые еще недавно подчинялись».

Но руки до локтей еще движутся, и Островский может писать. Письма становятся теперь для него единственным средством общения с далекими друзьями. В Новороссийске будущий писатель чувствовал себя поначалу одиноко. От старого коллектива друзей-партийцев, товарищей, среди которых чувствовал себя «братишкой», он был оторван, а новых друзей в этом южном городе пока не приобрел. Желание вновь встретиться со старыми друзьями заставило его собраться и уехать из Новороссийска сначала в Харьков, потом в Москву.

В Москве он остановился на квартире работавшей в редакции «Правды» Марты Пуринь. В прошлом подпольщица, Марта Пуринь сделала все возможное, чтобы Н. Островский почувствовал себя в родном и близком ему кругу. Здесь он встречался с латышскими поэтами и прозаиками, друзьями Марты, с чекистами. Именно тогда он впервые соприкоснулся с литературной средой и живыми писателями. Он жадно читает книги и пишет...

В октябре 1926 года Николай Островский возвращается в Новороссийск и живет надеждой и верой в спасительную — живительную силу моря и южного летнего солнца. «Здесь буду до апреля», — пишет он своей знакомой А. Давыдовой, — а потом курорт Анапа, отсюда 40 верст. Там я проживу на берегу моря до осени, а там будет видно, куда ветер подует. Если вернутся силы хоть немного, буду работать...».

В конце октября 1926 года к нему в Новороссийск приезжает мать. В ноябре он женится на Раисе Порфирьевне Мацюк. В декабре этого года в Новороссийск приехала навестить Н. Островского Марта Пуринь. Она обещала ему это сделать и свое обещание выполнила.

В 1967 году «Пионерская правда» напечатала заметку Я. Мотеля «Пламенное сердце». В заметке рассказывается о встрече с Мартой Пуринь и приводится ее рассказ о поездке в Новороссийск.

«Спустя некоторое время после пребывания в санатории я по поручению друзей-коммунистов поехала в Новороссийск, где временно жил Островский, — рассказывает Марта Пуринь. — Надо было помочь ему. Я попросила, чтобы горюком партии поручил Николаю вести политкружок; он терпеть не мог одиночества».

Далее она сообщила о своей заинтересованности прошлым Н. Островского: «Островский был отличным рас-

сказчиком. Говорил он горячо, вдохновенно, с большой теплотой вспоминал своих товарищей-котовцев, вместе с которыми сражался. Я посоветовала Николаю записать свои воспоминания, прислать их мне в Москву. Пообещала показать его заметки Михаилу Кольцову».

Итак, мы теперь знаем, кто подал мысль Николаю Островскому написать о Котовском. Марта Пуринь первая предложила ему избрать это оружие, с помощью которого он и вернулся в строй бойцов. Для Николая Островского жизнь становится осмысленной. Вместе с тем он понимает, что для работы над произведением нужны знания, которые он мог приобрести лишь путем самообразования. Вот почему с такой жадностью он набрасывается на книги.

Он связывается с заведующим библиотекой клуба водников Д. Хорунженко и просит навестить его, помочь приспособиться к библиотеке. «Я приносил Островскому стопки книг, — вспоминает Д. Хорунженко. — Мой необыкновенный читатель прочитывал их с удивительной быстротой... Сначала я, отбирая книги, записывал их в его читательский формуляр, который быстро разбухал от дополнительных листов. Затем, нарушая библиотечные правила, начал записывать в формуляр только общее количество».

Р. Островская подтверждает, что на неделю ему хватало пятнадцать—двадцать книг.

В те дни Н. Островский все реже и реже бывал на улице. Все больше проводил времени в домике на Шоссейной. Рядом — жена Раиса Порфирьевна. Но днем она работала, и Николай Островский с нетерпением ждал ее возвращения. Радостью обдавало сердце, когда приходили письма-восточки от Петра Новикова и Анны Давыдовой. Писала ему и Марта.

Николай Островский жадно тянется к знаниям. В письме А. Давыдовой 7 января 1927 года он сообщал: «Только мы, такие, как я, так безумно любящие жизнь, ту борьбу, ту работу по постройке нового, много лучшего мира, только мы, прозревшие и увидевшие жизнь всю, как она есть, не можем уйти, пока не останется хоть один шанс. Все покажет лето этого года».

Он с нетерпением ждет лето, надеясь на чудодейственную силу моря и солнца Анапы. Позже возникает новая цель — поездка в Горячий Ключ. В июне 1927 года с надеждой, что серные ванны помогут преодолеть скованность суставов, Николай Островский поехал в этот город. Но ванны не помогли. Он возвращается в Новороссийск...

Поселился вновь в домике на Шоссейной.

За окном завывал норд-ост. Ветер разносил опавшую листву. Раиса приходила и спрашивала мужа — как прошел день. Николай показывал стопку прочитанных, просмотренных книг.

Николай Островский пишет своему другу Новикову письмо. Оно примечательно. Он болен, прикован к постели. Но не об этом идет речь в письме, он даже подтрунивает в нем над своим положением. Его одухотворяет и наполняет силой ясная цель, позволяющая смотреть на свои недуги как бы со стороны. «Лежу все, — пишет он.

— Вот, язви его в душу, никак не встану на ноги. Много волнений было по разным мелочам, не знал, где жить буду зимой. Теперь ясно — остаюсь здесь. Собираюсь писать «историко-лирическо-героическую повесть», если отбросить шутку, то всерьез хочу писать, не знаю, что только будет...».

Ясно обозначилась цель его жизни: «... всерьез хочу писать». А цель определила тональность не только его писем, всей его жизни. Он пишет воспоминания о своих друзьях-котовцах. Рукопись он послал своим товарищам в Одессу.

Прочитанная и восторженно принятая бывшими его соратниками рукопись на обратном пути безвозвратно погибла — как и при каких обстоятельствах, до сих пор не выяснено.

Об утрате он старается не думать. Более того, его письма становятся бодрее, увлечения разностороннее. Он живет полнее и насыщеннее. Много читает, заочно учится в заочном Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, установил связь с городской комсомольской организацией, возглавил кружок, и к нему на дом приходят заниматься в кружке молодые рабочие города.

Неукротимый дух возвышал его над собственной физической немощью. И пусть в месяцы, проведенные в Новороссийске, у него не раз возникал вопрос — способен ли он еще принести пользу партии, в письмах друзьям с удовлетворением сообщал о своей «продуктивной работе», об учении в университете, о своей жене, «славной чудачке», которой помогал расти духовно. «Если бы не наличие вышеперечисленных фактов, то я бы уже давно себя расстрелял». И это пишется с убежденностью человека, которому дорога жизнь-борьба.

«Безумно хочется встать и двигаться», — пишет он другу. Читаешь это, и невольно перед тобой встает домик в пыльном пригороде Новороссийска. Летом — раскаленный воздух за открытым окном. Зимой — завывающие свирепого ветра, даленный плеск моря, к которому прислушивается прикованный к постели Островский. Его руки до локтя еще движутся. Он может взять книгу, полистать ее, он может еще сам читать. Он может взять карандаш и написать друзьям письмо, законспектировать книгу, включить радиоприемник и послушать последние известия, музыку. Его огорчает лишь то, что он лишен возможности двигаться. А ведь ему в 1927 году было только 23 года.

И в этом смысле его почти двухлетняя жизнь в Новороссийске удивительна. И не только тем, что именно здесь определились его творческие интересы и он начал работу над первым произведением — незавершенной и утерянной книгой о котовцах. Но прежде всего той мужественной борьбой, которую вел за свое возвращение в строй бойцов.

Впереди у него работа над двумя пламенными книгами — романами «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». И в роман «Как закалялась сталь» яркими страницами войдут его впечатления от пребывания в южном городе Новороссийске.

Николай ВЕЛЕНГУРИН.

НА СНИМКАХ: бессмертная книга «Как закалялась сталь»; могила Н. А. Островского в Москве, на Новодевичьем кладбище. Фото В. СОВРОВИНА.

